

За полчаса до спектакля его можно было увидеть в администраторской театра. Высокий. Сутулый. В общении закрыт: какая-то вселенная, обращенная вовнутрь себя. Молчалив.

Ходят легенды: он — человек, который не дает интервью. Но вот он рядом. Ему задаешь вопрос. Он отвечает: «Да». Тогда, чтобы его раскрутить как-то на беседу, задаешь вопрос второй — провоцирующий. Он отвечает: «Да. Можно и так попробовать...».

Есть стихотворение в одну строку: «Скопилось тишины на слово». Оно — о Некрошюсе.

На просьбы фотожурналистов «увековечиться» Некрошюс отвечает: «Нет, это мне не надо» и растворяется в толпе.

Толпа у входа в театр на Чистых прудах грозит выдавить парадные двери. Каждый день. И каждый вечер.

...Мы встречались на служебном входе, проходили длинными коридорами на малую сцену, там в полумраке искали выход к большой.

Там, на большой, шел спектакль. Зал был полон. Не хватало наушников, по которым транслировался перевод спектакля. И зрители умудрялись наушниками «делиться».

Спектакли пересказу не поддаются. Кто-то назвал их визуальной поэзией. Их надо разгадывать. Поэтому Некрошюсу еще долго «страдать» от назойливости журналистов, от

Росс. правда. 1987. 7 окт.

«Скопилось тишины на слово...»

Гастроли Государственного театра молодежи Литовской ССР открывают в эти дни московским зрителям спектакли Эймунтаса Некрошюса

бесконечных вопросов: «Что вы хотели этим сказать?»

— Что? Да смотрите на сцену.

Смотреть — и видеть.

Видеть последний день художника Пиросмани, в котором отрывками воспоминаний, сновидений вплетается вся его прошлая жизнь, и творчество, и страдания. Пиросмани возвращается откуда-то в свой жеманный уголок, ждет гостей, пытается работать, засыпает, и тут персонажи его картин начинают тревожить его сон.

Конец Пиросмани страшен. Немой Сторож сажает мертвого художника на чугунные конторские весы и тащит их, как салазки, через сцену. «Ускользающий» Пиросмани в упор смотрит в зал...

Про спектакль «Дядя Ваня» (звездит на соискание Государственной премии СССР) известный режиссер Михаил Туманишвили сказал, что когда-то у него была толстая тетрадь. В нее он записывал из

книг и увиденных спектаклей места, которые как режиссер мог для себя «украсть». Потом понял, что в искусстве это невозможно, но сцену у этакерки, когда Астров стоит на коленях с одной стороны, а Софья — с другой, и из плоской бутылки течет напиток, занес бы в эту тетрадь. Эту метафору словами передать невозможно.

Особенность спектаклей Некрошюса в том, что они все из подобных метафор. Спектакли пластичны, а правил игры сразу не понять. И не видно, как одна сцена «сшита» с другой. Немногословны. «Надо говорить только тогда, когда нельзя не говорить».

В Министерстве культуры пьесы, которые предлагал Некрошюс, не хотели утверждать только потому, что, казалось, не за что платить: «мал листаж».

Пьеса о Пиросмани в двенадцать страниц.

И того меньше «Квадрат»...

«Квадрат»...

...История любви молодой учительницы и заключенного. Странной любви, выросшей из их переписки. Любви, которая делает этих двух людей богами. «Хочешь сахару, — говорит он ей во время свидания в тюрьме, — и протягивает белый квадратик рафинада. — Это четверг. Это я тебя ждал... А это...» «Пятница, — опережает его она», «Нет. По пятницам нам сахар не давали». Он вынимает из самодельного мешочка один за другим сладкие квадратик и протягивает ей. Тысячу дней и ночей ждал. Потом берет и осыпает ее этим сахарным дождем...

Спектакль скуп на слова. Но я видела, как аплодировал актерам мастер слова Сергей Юрский.

Аплодисменты его были на уровне сердца.

А после спектакля администраторская снова набивалась людьми. Некрошюса поздравляли...

Похлопать его по плечу, пожать руку чуть ли не дело престижа. Но те же люди, что аплодируют театру молодежи, несколько лет назад, осторожничая, пьесы резали так, что от них оставался только каркас. Словно не защитники искусства...

Спектакли Некрошюса близки к исповедальности. В них много Любви, этого чуда... Старой, как мир... Делавшей его спектакли новаторскими.

У Бунина есть рассказ о встрече незнакомых людей, сразившей обоих, как солнечный удар. Встреча в полдень, а ослепление надолго, может быть, на всю жизнь...

Что-то подобное происходит и после встреч со спектаклями Некрошюса...

Т. ХОРОШИЛОВА.

Фото Ю. ФЕКЛИСТОВА.

